

Редакция журнала «Подъём» начинает публикацию лучших рассказов и стихотворений участников Воронежского областного совещания молодых литераторов. Многие из этих авторов уже появлялись на наших страницах. Однако теперь их произведения становятся штрихами коллективного портрета молодой литературы Воронежского края.

* * *

Стихи Эльвиры Пархоц на редкость своеобразны. Она пишет о том, что считает важным, что имеет свой звук и свой голос. Ткань ее стихотворений порой отрывочна и нуждается в определенной дешифровке. Так отдельными фразами о происходящем может поведать человек, только что вырвавшийся из центра событий и передающий встречному саму суть действий и значений внутри некоего явления — войны ли, колдовства, ссоры, вспышки страсти, внезапной перемены прежнего — на новое.

Все коллизии поэтессы разворачиваются в пространстве и времени русского мифа. Дохристианская Русь порой соединяется с православными штрихами, дает отблеск в картину нынешнего дня, но всякий раз автор возвращается к древнему истоку, в котором видит тайну русского характера и русского сердца.

Эти стихи чрезвычайно этничны. И когда касаются лирического отражения тридцатилетнего сидения Муромца на печи, и когда сюжет обращается к жестокой междоусобице гражданской войны, и когда читателю предлагается мистический монолог древней ведьмы, в котором добро и зло предстают в несколько отчужденном виде.

Фактура поэтической речи Эльвиры Пархоц содержит в себе отпечаток конст-руктивизма, причем отчетливо национального оттенка: тут не Илья Сельвинский, но Велимир Хлебников. Именно хлебниковская отрывочная речь, словно изначально прореженная кем-то невидимым, становится исторической предтечей поэтических повествований Эльвиры Пархоц.

Примечательно, что автор без видимого усилия выходит во внешний мир из своих внутренних чувствований и властно его осваивает. Широкий, выразительный словарь, острое зрение и способность соединить малую деталь с большим предметом или значительным действием притягивают внимание читателя, уже давно тоскующего о русском эпическом начале в поэзии.

Между тем, Пархоц несколько тесно в рамках своей нынешней творческой свободы, ее рука еще не вольна обратиться к волнующей теме легко и глубоко осознанно. Однако это состояние постепенно освобождающейся из плена немоты художественной воли очевидно в представленных на обсуждение балладах... Эволюция ее таланта обещает нам серьезные произведения, а самобытность почерка позволяет надеяться на появление на воронежском литературном горизонте совершенно необычной и долгожданной поэтической фигуры.

Вячеслав ЛЮТЫЙ

ЧТО ПОПАЛО

За межой — война,
Над Хопром — зима,
Белая кума.
Нет у поля дна.

Год замкнулся в круг —
Только, видно, зря.
По тебе, мой друг,
Все горит заря.

Знать, душой спились —
Обвалилась высь.
Сидор да Борис
Об одной дрались.

Путал бедный бес
Родину и квас.
А отрез небес
Не согреет нас.

Берегла трава
Голос мертвых сел,
Что меня повел
Собирать слова.

Всякий ночью сер.
Днем привычна новь.
Не бывало вер,
А была любовь.

НОЧЬ В ИНТЕРНЕТЕ

Дай мне сил отличить
Доказательства от оправданий,
Сплин — от боли,
А совесть — от блажи.
Я себя убивал тридцать лет,
Но живой.
Стынет на небе павшем
Закат
Ножевой.

Дай мне вспомнить,
Как спит над полями весна,
Разметавши туманные косы;
Как ласкается речка в июне,
А черная курица-ночь,
Уходя, подбирает небесное просо...

Я живу в соцсетях.
Тлеет жизнь,
Разговорами оплетена.
А вчера, сквозь бессмысленный чад,
Написала
Война.

Она ходит привычно-своей
Среди лжи, аватаров и котиков.
Что спросить у нее — подскажи,
Хоть бы...
В горле копится крик, как слюна...
Тишина.

Лунный посох коснулся окна:
Вечер слеп.
Наш кофейный мирок
Превращается в склеп.
По страницам в пыли — ветерок.

Дай остаток тепла
Хоть в горсти
До утра донести
Сил.

* * *

Кто-то скажет, что бред,
Кто-то выкрикнет: «Прав».
Полдень был умудренно-сед;
Был закат, как всегда, кровав.
Говорили: дружище, приди да спой,
Про весеннюю деву и звон степной,

Одиночек, крылатого над толпой —
Ой.

А я валялся оглохший, тупой,
Что мне песня, что в небо вой:
По изрезанным нервам и пьяным снам —
Красной ниткою —
Голос твой.

Говорили: давай, депрессивный, к нам —
Обсуждая мужей и дам,
Позабудешь в чужом свое...
Над моей головой — воронье.

Скажут: вышиби, дурень, клином.
Скажут: надо работать в дымину.
А еще — ничего, мол, не зря...
Ходит ветер с похмелья мимо.
И бледна, с синяками, заря.

Снова сплю в ожиданье зимы.
Под запретом
на рифму
«МЫ».

* * *

По рассветной траве,
Глядя вверх,
Я пройду,
задевая кусты черемух.
Услыхав колокольца птиц,
Пораспустит вязанье дрема —
Шерстяную туманную нить.

Крещена я водой криниц.
Отшептали меня стерни
Да лозинник отпел
белый.
Уж не стану тебя винить:
Что предписано, то и делай
(А судьба твоя, знать, такая ж).
Зябнут руки, как на свиданье.
На десяток шагов воли дай мне.
На поляне, у пегого камня
Меня расстреляешь.

Жаль полынных небес
Да несчитанных верст.
Лес —
Тихим эхом в груди.
Подожди...

Жаль
Желторогой козы — черной ночи,
Что по крыше цокочет
Копытцами звезд;
Да косматого рыжего пса,
Что бежит голубыми лугами;
Жаль
Светлоярых озер овса
С их березовыми берегами;
И приснившихся дивовых гор,
И тропинок нехоженных...
Жаль —

Мы похожи с тобой, похожи...
Слышу:

щелкнул затвор.

...Ветер гладит пуховый,
Сероватый ослинник.
Травные слезы горят.
Из корзинки ольховой
Брусникой
Раскатилась заря.

КРЫЛЬЯ

Ветер в лицо.
Птичий щебет,
Как детский смех.
И толпа внизу —
Неспокойное озеро —
Ждет.
На колокольне стою.

Вот охота нашла —
Нет бы ткать,
Вышивать закатные солнца —
А мне надо самой
К солнцу!
По ночам
Собирала жар-птицыны перья
Вдоль заросших тропинок;
На рассвете срезала
Несеченые волосы ив.
По углам — дымы паутин
В моем доме... а я
Мастерила, делала
крылья.

Золотые,
словно вечерние листья.
Чтобы встретить восход
И лететь за моря
Заповедных лесов и степей...
Кто бы верил.

На колокольне стою.
Сколько здесь до меня вот так?
Ветер щупает новые крылья
И подталкивает: «Лети».
Кто бы верил.
Тысячи глаз...
Что, друзья? Вот одна — в светло-карих
И испуг, и призыв:
«Ну же, падай.
Шансов нет: высоко. Панихиду
Я тебе закажу, каких не было...»
Вот другая — древесно-серые
Плачут (или слезятся от солнца):
«Говорила тебе, чудачка...
Ты не слушала. Поздно! Падай
И не мучь меня:
Ведь — любила...»
Вот и третьи глаза — меняются —
Голубые, а может — карие,
Словно щит (есть душа за ним?):
«Не взлетали,
И ты не сможешь.
Не жалею.
Да падай, падай».

Мои крылья — прочные, легкие,
Но поднимет их чья-то вера.
Сорный смех растет над толпой.
«Падай», — ветер шепнул со вздохом.

К черту!
Шаг с колокольни,
Руки раскинув —
Разбивайся-гори...

Подхватил воздух крылья,
Как вода — сухие листы.
Задрожали, расправились —
Понесли —
Над камнями-взглядами
И над криками-стрелами,
И над хатами, в изумленье присевшими,
Над дорогой — ползущей медянкой,
Над рекой, отражаясь в ней слитками,
И над лесом, над старыми гарями,
Над болотами и лугами —
На восход. И, не уставая,
Продираясь сквозь стаи дождей...

Был в толпе один, кто
Поверил.